

густой голосъ, выходившій изъ русской гортани, на ломаномъ нѣмецкомъ языке,—теперь воззрѣнья ваши едвали не устарѣли...

Петръ Николаевичъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на собесѣдника. Ему, по его мнѣнію, идущему съ вѣкомъ, въ первый разъ приходилось слышать, что воззрѣнія его устарѣли. Онъ кинулъ еще одинъ взглядъ на собесѣдника — ихъ раздѣляло, по крайней мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ. Что-то рѣзнуло Петра Николаевича по сердцу—въ первый разъ ему пришло въ голову, что теперь, можетъ быть, все чаще и чаще будутъ находить, что онъ старѣется.

— Повѣдайте же намъ ваши новые взгляды, — сказалъ онъ не безъ яда.

— Извольте; хотя это собственно уже всѣмъ извѣстно. Люди сходятся случайно, по взаимному влечению. Любовь длится или проходитъ, смотря по обстоятельствамъ. Если люди глупы—то они сидятъ другъ у друга на шеѣ и мучаются другъ друга. Если они умны—они расходятся, и опять находятъ и любовь, и счастье.

— А дѣти? — спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Дѣтей куда-нибудь пристраиваютъ, тоже смотря по обстоятельствамъ. Развѣ для дѣтей нравственно полезны, когда разлюбившіе остаются жить подъ однимъ кровомъ? Развѣ они не замѣ чаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ нравственный поединокъ?..

Тутъ между сидящими за столомъ завязался не поединокъ, а безконечный и ярый словесный турниръ, и только глубокія сумерки, въ которыхъ блѣло утомленное лицо Вѣры Андреевны, прервали спорящихъ.

Петръ Николаевичъ нагнулся надъ женой и помогъ ей встать. Она обвилась своими тонкими руками около его шеи и въ глазахъ ея блеснула слеза.

— Мы устарѣли, но устарѣли вмѣстѣ, — сказалъ онъ и прижалъ ее къ груди.

Петръ Николаевичъ бережно отнесъ жену въ спальню и оставилъ ее на попеченіе матери. Александра Ивановна уложила ее въ постель.

— Однако, ты еще слаба, Вѣра, это тебя глупый разговоръ такъ разстроилъ. Усни, милая моя, я скажу Петру Николаевичу, чтобы онъ пришелъ съ тобой проститься.

Тѣмъ временемъ Петръ Николаевичъ распечаталъ нѣсколько полученныхыхъ писемъ, которыя въ пылу споровъ онъ машинально сунулъ въ карманъ и теперь нашелъ.